

Общая газ. - 2001. - 15-21 июля - с. 10

Божественная

Этот эпитет Диана Вишнева получила в награду

Когда на пресс-конференции в Лондоне перед началом гастролей балетной труппы петербургского Мариинского театра представляли ведущих солистов, выяснилось, что отсутствует объявленная в программе Диана ВИШНЕВА. Оказалось, балерина опаздывает на два дня по уважительной причине: в день начала гастролей ей вручали в Москве Государственную премию РФ. За плечами двадцатичетырехлетней солистки Мариинского театра — все мыслимые балетные награды. Лауреат российских премий «Золотая маска» и «Золотой софит», приза Бэнуа, американскими критиками ей была присуждена премия «Божественная». И в Лондоне на ее долю выпал успех, никак не меньший, чем на недавних гастролях Мариинки в Москве, где Вишнева танцевала в «Спящей красавице».

— **Какие качества, на ваш взгляд, определяют балетную судьбу?**

— Все зависит от того, что вы называете судьбой. Если карьеру звезды, то здесь никакое усердие не поможет. Балетной звездой нужно родиться. А если речь идет о рядовой балерине, то, безусловно, очень многого можно добиться терпением, силой воли, преданностью искусству. Но в обоих случаях это такой изматывающий труд, что, честно говоря, я своего ребенка никогда бы в балет не отдала. Это искусство может сломать даже спосібных людей.

— **Как вы стали балериной?**

— Здесь главную роль сыграла моя мама. Это она вовлекла меня в этот вытягивающий все жилы труд.

— **Вы так говорите, как будто сожалеете.**

— Сейчас уже не сожалею, хотя мама мне всегда говорит, что я с такой печалью рассказываю о своей работе, что она начинает чувствовать свою вину. Маму, конечно, можно понять: она судила о балете

лишь со стороны аплодисментов, цветов, блеска постановок. Мама всю жизнь мечтала стать балериной, но ее родители запретили: они не хотели видеть дочь со стертymi в кровь ногами. И когда мама поняла, что балет — это прежде всего труд, требующий колоссальных физических и психологических нагрузок, то решила забрать меня из балета, сказав: «Я не хочу видеть твои слезы». Но было уже слишком поздно.

— **Сколько же вам было тогда лет?**

— Лет 13–14. В то время у меня уже стало кое-что получаться. В балетную школу я поступила немного позднее, чем это принято, — в 11 лет. До этого, правда, я занималась в хореографических кружках. Так что у меня была определенная подготовка. Мама так хотела сделать из меня балерину, что даже нанимала мне педагогов-хореографов.

— **Как вы попали в Мариинский театр?**

— Я родилась в Петербурге, куда моя мама приехала из Фрунзе, чтобы поступить в институт; мама у меня татарка. Еще в балетной школе я получила золотую медаль на международном конкурсе в Лозанне и начала танцевать в Мариинском театре. Первым моим спектаклем в Мариинке стал «Дон Кихот». Наверное, в истории балета еще не было такого случая, когда девочка на третьем курсе станцевала бы такую технически сложную партию. Мне эту роль предложил тогдашний руководитель марининского балета Олег Михайлович Виноградов. Я испугалась и поначалу даже отказалась. Однако он меня уговорил. А потом я станцевала еще и «Золушку». При этом мне приходилось сдавать все экзамены по общеобразовательным и специальным предметам. Хотя, честно говоря, мне предлагали перейти в театр, бросив школу. Но я отказалась и уже после школы

плавно и без проблем перешла в Мариинку.

— **Значит ли это, что вас сразу взяли на сольные партии?**

— Нет, конечно. Пришлось танцевать и па-де-труа в «Лебедином», и трио в «Баядерке».

— **Какое амплуа вы предпочитаете: характерной или классической балерины?**

— Так получилось, что «Кармен» и «Дон Кихот» стали моей визитной карточкой, хотя танцевать их мне и проще, и скучнее, чем классику. Вы удивитесь, но мне не интересно танцевать «Дон Кихот», хотя все говорят, что это абсолютно органичная для меня роль. Мне нравятся роли, требующие творческого поиска, какой-то новой грани самовыражения. К таким спектаклям я отношу «Манон» Кеннета Макмиллана, «Жизель» — бесслезный, на мой взгляд, балет. Сейчас мои любимые балеты: «Манон», «Кармен», «Жизель».

— **Вам бы хотелось танцевать авангардистские балеты, балеты на музыку современных композиторов?**

— Самое трудное в балетном искусстве — классика. Модерн танцевать намного легче. В нашем театре ставится довольно много современных балетов. Мне очень нравятся работы Матпекерса и Иржи Киляна, надеюсь, что наши пути когда-нибудь пересекутся.

— **Не возникало ли у вас желания уехать танцевать за рубежом, стать международной звездой? Вы, видимо, заметили в театре «Ковент Гарден» бюст вашего бывшего коллеги по Мариинскому театру Рудольфа Нуриева?**

— Вы знаете, времена изменились. Сейчас уже можно в нашем театре отпроситься станцевать какой-то спектакль за границей, не говоря уже о гала-концерте. Честно говоря, у меня есть много предложений от западных театров. Наша балетная труппа сейчас выступает за границей почти столько же, сколько дома. Исколесили всю Ев-

ропу, были и в Америке, и в Японии. А в прошлом году даже до Австралии добрались.

— **Обычно молодые балерины в начале карьеры стремятся подражать своим кумирам. Прошли ли и вы через это?**

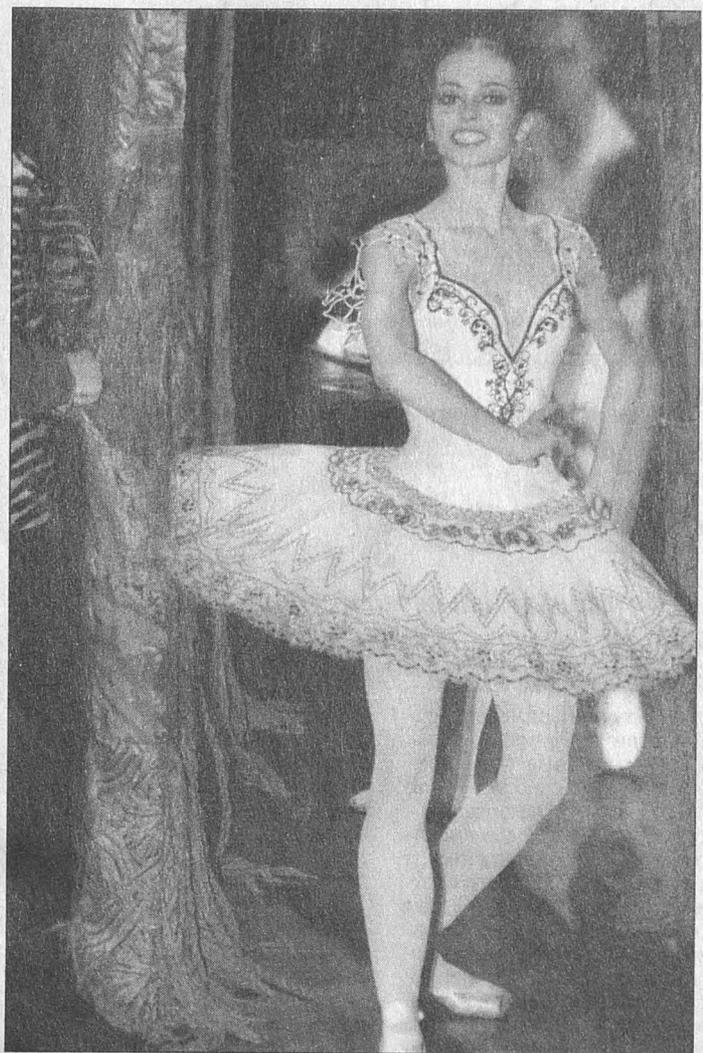
— Сколько себя помню, у меня не было никаких балетных идолов. Первое время в школе я не отрывалась от западных балетных видеофильмов. Помню, как я загорелась, увидев Александру Ферри в па-де-де на музыку Чайковского. Конечно, мне хотелось что-то позаимствовать у нее, это же нормально. А из наших я больше всего ценю Наталью Макарову, Галину Мезенцеву, Алтынай Асылмуратову.

— **Существует ли, на ваш взгляд, серьезное различие между московской и петербургской балетными школами?**

— Существует, существовало и будет существовать. У каждой школы своя эстетика и свое качество тренинга. Однако это различие не определяется словами «лучше» и «хуже». Парадоксально, что большинство звезд московской школы — начиная с Улановой — выходцы из Петербурга. И на Западе так называемая «Vaganova school» пользуется заслуженным авторитетом. А московская школа... Сегодня даже Пермь более престижна, чем Москва.

— **Насколько вы свободны в Мариинке? Можете, например, на правах прима, отказаться от роли, если не лежит душа?**

— В театре мне постоянно твердят, чтобы я набирала репертуар, больше танцевала. Но моя балетная судьба так сложилась, что каждая роль приходит ко мне только тогда, когда я до нее «дозреваю». Есть здесь какая-то мистика. Только придя в театр, я хотела станцевать «Жизель». Не получилось. И на следующий год что-то меня удержало. Хотя знала, что могу попросить эту роль. А потом целых

два раза репетировала, но спектакль отменяли перед самой премьерой. Так что Жизель я станцевала только через несколько лет. Мне кажется, что это неслучайно: мне надо было созреть. Сейчас я так же жду «Лебединое» и «Легенду о любви»: я могу попросить и, уверена, мне дадут эти роли. Но я знаю, что все в моей жизни происходит по особому предначертанию, и сознательно этого не делаю.

— **Что вы любите делать в свободное от работы время?**

— Очень многое: люблю бывать на природе, ездить с родителями на дачу, водить машину, быть с любимым человеком. Мой любимый человек очень увлекается Индией, ее культурой, буддизмом и привил этот интерес и мне. Я очень много читаю на эту тему, и многое мне помогает в работе. В частности, практика медитации очень помогает добиться контроля дыхания на

сцене, быстро восстановиться физически. В отличие от прошлых времен у нас сейчас колоссальная нагрузка, на гастролях мы танцуем чуть ли не через день. Нас никто не учит технике физического восстановления, приходится самой до всего доходить.

— **Балетный век недолог, балерина может уйти на пенсию и в 35. Вы не задумывались о своей жизни после ухода со сцены? Будете ставить?**

— Балетная практика показывает, что первоклассные танцовщицы редко становятся хорошими балетмейстерами. Что-то я не помню среди них и известных балерин. Мне не кажется, что у меня есть талант хореографа. Скорее всего, мне уготована судьба балетного педагога или репетитора.

Беседовала
Наталья ГОЛИЦЫНА